

368 - Летит в цветущий сливовый массив.

Изначально Чжу Сяо был очень горд услышать комплименты от всех присутствующих, ведь среди присутствующих конфуцианских мастеров, кроме гостеприимного старейшины Конфуция У Шуня, он был единственным, кто достиг уровня пятизвездочного конфуцианского мастера, что дало ему ощущение превосходства.

Однако случайные насмешки Чу Юня, состоящие из двух строк, превратили написанное им стихотворение, которое он считал потрясающим, в шутку.

Как только он увидел, что все смеются, никто не смог понять смысл его стихотворения, лицо Чжу Сяо окрасилось в цвет печени.

Когда Чу Юнь был еще молодым хозяином генеральной резиденции "Огненное облако", Чжу Сяо мало общался с ним, но они, по крайней мере, знали друг друга и встречались несколько раз.

Тем более, что Чжу Ли в то время был невестой Чу Юня, а также братом Чжу Ли, трое из них часто встречались.

В воспоминаниях Чжу Сяо рот Чу Юня не казался таким уж дешевым, почему теперь не только его внешний вид стал отличаться от прежнего, даже его манера говорить также полностью изменилась?

Это тот же самый, блядь, честный молодой хозяин резиденции Огненного Облака Генерала, что и раньше? Возможно ли, что отец ошибается?

Хотел бы я, чтобы минет был в глубоких размышлениях....

Над Чжу Сяо насмехались, но те, кто смеялся над ним, некоторое время не решались открывать рот.

Я не уверен, сколько я стою, но я не уверен, сколько я стою, и я не уверен, сколько я стою.

Я не уверен, смогу ли я это сделать, но я не уверен, смогу ли я это сделать.

Но, к счастью, рядом с ним были еще три человека из империи Божественного огня, а женщину-конфуцианку звали Линь Тяньцзяо, принцесса маленькой страны вокруг империи Божественного огня, а также невеста Чжу Сяо.

В это время, увидев, что его человек понес потерю, он поспешно вышел нарушить атмосферу тишины.

Для нее Чу Юнь не утруждала себя бессмыслицей, и последующая атмосфера также постепенно становилась все более активной, при этом Чу Юнь ел на пороге и вообще игнорировал их.

Остальные, в основном, делали по очереди, и вскоре пришла очередь Лю Чангла.

Лю Чангле был четырехзвездочным конфуцианским мастером, но он только что достиг уровня четырехзвездочного конфуцианского мастера, и между ним и большинством конфуцианских мастеров здесь все еще существовала некоторая разница.

Этот продукт не мог удержать несколько предложений, когда он смотрел на падающий в небо

снег.

"Один кусок за другим, два куса три куса четыре или пять кусков". Шесть ломтиков, семь ломтиков, восемь или девять ломтиков..."

Стихотворение Лю Чангле называлось "Крылатый снег", но к третьей строфе оно было совершенно неписанным.

В первый раз, когда я услышал это, я чуть не засмеялся.

Но Царь Демонов Чу всегда чувствовал, что слышал эти фразы где-то раньше, и когда задумываешься, не те ли проклятые фразы, которые написал Мастер Цяньлун?

И ситуация Лю Чангле чрезвычайно похожа на ситуацию Цяньлуна, потому что в том году Цяньлун, как говорят, также написал третье предложение, совершенно неспособное к сочинению.

Первые два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, девять чисел, третье предложение, которое вы составили до девяти, не может вернуться к "десять частей одиннадцать, двенадцать частей", не так ли?

Все смотрели, как Лю Чангл держал лицо красным и с нетерпением ждал следующего предложения.

Уровень грамотности в королевстве Яньхуань был действительно не очень хорош, поэтому Лю Чангл написал эти предложения, и все не чувствовали, что это было очень неклассно.

Однако глаза Чжу Сяо все еще вспыхивали с намеком на гордость, Лю Чжун и Чу Юнь только что довольно условно общались, и он, естественно, был счастлив, что Лю Чжун в это время выставил себя дураком.

Чу Юнь взглянул на смертельную неспособность Лю Чангле сдержать последнее предложение, немного невыносимое для просмотра.

"Летите в цветущий слив."

Чу Юнь даже не поднял глаз и случайно сказал.

Это была сцена, которую министр сохранил для него, когда Цяньлун не смог придумать, и эта последняя строчка затвердела в стихотворении, которое было полностью разрушено, придавая всему стихотворению настроение, которое становилось ярче.

Чу Юнь не имел таланта, но стихотворение было передано именно из-за этой последней строки, которую Чу Юнь случайно вспомнил и случайно сказал в это время.

"Хе, Мастер Чу, мне интересно, первые три строки все имеют числа, только ты последовал за последней строкой без чисел, что это за стихотворение?"

Чжу Сяо высмеял, когда услышал, что Чу Юнь спас сцену для Лю Чангла.

Чу Юнь хотел посмотреть на него как на идиота, затем продолжал склонять голову и есть его еду, не потрудившись обратить внимание на эту дурацкую вилку.

Чу Юнь плакал в своем сердце, уровень культуры этого царства Yanhuang действительно низок,

он задавался вопросом, что на земле является основой этой группы несравненных конфуцианских мастеров, которые написали дерьмо, чтобы понять Дао Неба и Земли.

Эта сторона воли небес и земли была поистине некультурной ах!

Чу Юнь снова презирал Небесную Волю в своем сердце.

"Негативное значение эмоций 135 от Небесной Воли".

"Это предложение Мастера Чу можно считать идеальным".

И именно в это время старейшина Конфуцианской академии, У Шунь, вдруг заговорил.

Все глаза были приклеены, сдались Ушуну.

Все были гением в этом мире, и естественная дорога Wu Shun не смогла похвалить Chu Yun без причины, они хотели услышать последнее.

"Несмотря на то, что первые несколько строк Лю Ши аккуратные и аккуратные, этого настроения не хватает, и есть подозрение на повторение".

Эта последняя строфа Чу Шифу придает всему стихотворению свое настроение, снежинки и цветки сливы всегда писались вместе, не только потому, что сезон снегопадов совпадает с открытием коллекции цветов сливы, но и потому, что и цветки сливы, и снежинки белые.

Эти последние строки соединяют их вместе, выделяя сливу и снег одним цветом, в то время как слова "падающий" и "отсутствующий", сочетание движения и неподвижности, дополняют друг друга".

Несмотря на то, что следующий анализ У Шунь также был довольно общим по мнению Чу Юнь, он, по крайней мере, сделал несколько пунктов.

Многие конфуцианские мастера также почувствовали, что слышат это с облегчением.

Чжуцзяо выглядел немного уродливо.

Ушунь был пятизвездочным конфуцианским мастером, и он, Чжуцзяо, был таким же.

Но он с самого начала поставил Чу Юнь в оппозицию к себе, поэтому стихи Чу Юня были подсознательно опровергнуты и подавлены.

Однако, когда У Сюн открыл рот, его тут же ударили по лицу.

Ведь Ушунь был старшим и стал пятизвездочным конфуцианским мастером раньше него, поэтому никто не сомневался в анализе Ушуня, не говоря уже о том, что хотя этот мир и был культурно отсталым, эти конфуцианские мастера уже были здесь культурой, и, выслушав анализ Ушуня и немного поразмышляв об этом, это действительно был тот самый "ах".

"Раз уж Мастер Чу так талантлив, и теперь, когда все что-то выразили, должен ли Мастер Чу также прочитать полное стихотворение"?

Чжу Сяо был несчастлив, он чувствовал, что Чу Юнь смог произнести эту фразу чисто случайно. Таким образом, имея Chu Yun сочинить полное стихотворение, Chu Yun определенно сделал бы дурака себя.

"Я всего лишь двухзвездочный конфуцианский мастер, я не могу сравниться с гениями, поэтому не буду предлагать скандал."

Чу Юнь категорически отказался.

Он действительно был слишком ленив, чтобы продать свои работы этим людям.

Более того, он говорил правду, он сам был все еще двухзвездочным конфуцианским мастером, и хотя Конфуцианская академия империи Тяньинь знала, что он был больше, это правда, что этот продукт не имел квалификации для оценки более высокого уровня конфуцианских мастеров.

"Так как Мастер Чу не хочет сочинять стихи, как насчёт того, чтобы составить пару, я придумаю верхний куплет, а Мастер Чу придумает нижний?"

Говорил молодой человек по имени Фан Чжэнцзи рядом с Чжу Сяо, четырехзвездочным конфуцианским мастером.

"Цинь и лютя, глава и лицо восьми королей."

Фан Чжэнцзи не заботился, ответил Чу Юнь или нет, он прямо сказал, что верхняя куплетка.

<http://tl.rulate.ru/book/45397/1109582>